

Рассказы Антона Аустриньша «Длинная миля» («Garā jūdze»)

Роман-хроника. Рига, 1926

Борис Инфантьев

Лок вошел такой возвышенный, поздоровался просто, спросил, давно ли Айзбетниекс здесь; сел и стал рассказывать о вчерашнем собрании «Пукиса». Получилось так, что самое главное — выпивка. Мало творческих импульсов. Или такая безвкусица, как виньетка к стихам Порука в издании «Залктиса». Надеяться можно только на Мелнгайлиса, который, возможно, поднимается над другими. Совсем иное у русских на их четвергах. И у них нет недостатка в освежающем. На столе фрукты, вина. Но это так, между прочим. Главное у них — беседы, споры, идеи. Лок познакомился с Бердяевым и Мережковским. Напоминают Ставрогина и Верховского в «Бесах» Достоевского. Сомов может работать только ночами; днем спит. Вячеслав Иванов сильно напоминает Шиллера. Длинные золотистые волосы. Пять лет совсем как бы пропадал за границей, штудировал, затем пришел со своим миром. Был у Иванова также дома. Большая простота. В рабочей комнате только стол и кресло. Феофилактов сидит в углу и хранит все время молчание, только вдруг грубоватым голосом пробурчит: «Ложь». Интересна сестра Зинаиды Гиппиус Татьяна, которая посещает еще Академию художеств. Ввел Лока Алексей Ремизов, жена которого, Серафима Павловна, знает почти всего «Онегина» наизусть». В этой группе участвуют еще Белый, Блок, историк литературы Аничков и другие. Миллионер Рябушинский дает средства для журнала «Золотое Руно», в котором они все участвуют. Теперь Лок хотел бы познакомиться с Москвой, особенно с Брюсовым. Тогда Россия освоена. Хотел попасть к Врубелю, но не допускают — опять заболел.

Стр. 67. (В публичной библиотеке Айзбетниекс встречает Роберта Дейсона.)

Дейсон: — Мне послезавтра вечером надо идти к Ремизову. Не хочется ничего читать...

Теперь Айзбетниекс понял, что Лок рассказал Дейсону о своих успехах у русских, которые его приняли как своего. Дейсон не хотел отстать и поэтому прибыл сюда, как аргонавт за золотым руном. Воображаемая возмож-

ность славы его пьянила, и поэтому следовало действовать.

Новое удивление для Айзбетниекса уготовил Каспар Лок, который проехал целых 30 верст, чтобы показать своим летним гостям — русскому писателю Ремизову с госпожой сельское культурное мероприятие. Как только они уселись на свои места, Ремизов попросил, чтобы ему показали Лайму, Лигу и Милду. И вот Айзбетниекс не знал, что делать. Он разъяснил, что ученые не признают ни Лиги, ни Милды. Но это утверждение мало помогло. Ремизов хотел выяснить во всех подробностях каждое явление и понять латышские особенности. Он говорил, что родился в самую Иванову ночь, когда цветет папоротник и вся нечисть — лесная, водяная и воздушная — собирается вместе, чтобы плясать и скакать. Поэтому он особенно любит всякую чертовщину и темные силы.

Нам, привыкшим к русским обычаям, они кажутся удивительными. В Швейцарии русских ненавидят из-за плохого поведения. Напиваются, блюют, в комнатах бросают кончики папирос. На латышей тоже стали смотреть, как на «рушменов». Сдавая комнаты, всегда осведомляются, не русский ли. Когда говоришь — нет, начинают разговаривать совсем по-другому.

Петербург осенью заволакивал настоящий туман «страны велей»; дождь льет почти без остановки, ветры воют вдоль углов домов. Так жалостно: как бы вырвалось из подземелья; городские окраины и Сенная площадь — одна сплошная непроходимая лужа грязи. Но нельзя было сказать, что жители поэтому ходили с понурыми головами и носами, печальные и грустные. Бородатый собиратель пожертвований без усталости ходил из двора во двор, однообразной речью полунапевом провозглашая: «Православные христиане! Жертвуйте свою лепту на построение церкви Богородицы!» Крестьясь, он поднимал прожженный медяк и, так же крестьясь, нередко тут же за углом жертвовал трактирщику на чарку за здоровье Богородицы...

«Каспар Глун» («Kaspars Gluns»), Рига, 1908 г.

Необоснованный страх «пустой России», из лона которой вышли Мусоргский, Пушкин, Достоевский и Гоголь, понемногу рассеялся, уступая место серебряным ночным раздумьям, которые Глуну раскрывали давно забытые Эльдорадо. Глуна удивила эта забота о чужаке, особенно тогда, когда Брод рассказывал, что о нем (землемере в Новгородской сельской местности) заботятся, как о своем, и беспокоятся о том, как они будут жить, когда он уедет.

Глун полюбил русское и хотел ему отдаться, но теперь он только понял: Мария Ивановна — настоящая русская, и сила русского народа — его слабость — в их простоте, в их первозданной задушевности, в их неспособности создавать культуру, хотя Бердяев и Мережковский хотят завоевать для России, основываясь на Достоевском, роль всемирного духовного вождя. Но они свои воздушные замки строят на большом озере...

Глун не верил больше русским возрожденцам, но отворачивался от них, как бы стыдясь того, что вокруг их святилищ так долго блуждал и приносил их богам ожидаемые жертвы.

Туда стеклись все дороги, по которым он блуждал, выйдя из детского сада по лесу сомнений, болотистому, вышел на неоглядное российское пространство, пробираясь дальше и призывая Бога из глубины души, как Давид: «Куда деваться мне без признания, без уважения?..»

К. Фрей, о русских:

— Что русские? Против латыша они — кукушки... Приезжают русачки свататься к моим дочерям. Я лежу на печи — и не слезаю. На них не стоит даже посмотреть. Разве русский землемер смог бы так измерить? — Всем по нраву... Что русские!? Пьяницы. Больше ничего...

Глун о Новгороде:

— Долго я все же не смогу жить в этом городе. Здесь нет ни красивых строений, ни красивых пейзажей, как в горных городах. Все кажется сонным, трусливо-грубым, неотесанным, протухшим, безобразно испорченным, растленным... Вспоминаются слова Лермонтова:

Стыдися торговать

То гневом, то тоской послушной,

И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

«Когда ночь самая длинная»

(Рассказ Антона Аустриныша из эпохи по-

зорного завершения Первой мировой войны в сборнике «Вдох на ветру».)

Стр. 104.

Обухов взял принесенный хозяином номер русской газеты и начал громко читать, нередко останавливаясь и всматриваясь в расплывчатую печать.

— Ну, несчастье в доме, — Наудзиене раздраженно сказала обернувшимся. — Когда русский начинает свои молитвы, то от него больше нельзя избавиться, как от наваждения.

Стр. 105.

Второй солдат начал рассказывать о своих похождениях у одного латышского хозяина в Валмиерской стороне:

— Наоборот, беженцы, которые у него жили, зарезали свою единственную свинью, поднесли каждому из нас по куску. За это мы им опять же дали сахару, хлеба и все, что еще у нас оставалось.

Стр. 106.

— Ну, как вам нравятся наши народные мотивы, — спросил хозяин Обухова так, из приличия.

— Ничего, — отвечал Обухов и не мог ничего своеобразного добавить. — А вы не знаете какие-нибудь русские песни? — он нечаянно попал в тон проверяющего.

— Не признаем! — Рауда резко отрубил и неизвестно почему прибавил еще, — Латвия автономна!

— Ах, так?! — вскрикнул Обухов, как укушенный гадюкой, и отошел от стола.

Стр. 107.

И вдруг против самого большого народа, против православного человека такое неуважение. От каких-то латышей. Ах, так! Тогда у него возник какой-то замысел. Но злоба росла.

В рассказе обстоятельно повествуется, как выходец из средне-мещанской среды Обухов становится карьеристом, а также о том ночном происшествии на латышском хуторе, которое, собственно говоря, и послужило предметом для создания рассказа.

И Обухов, и двое подчиненных ему солдат ночью решили провести «сладкие часы» с одной молодой девицей-беженкой, нашедшей приют на означенном хуторе. Каждая из двух задействованных половин выходит из противоположно расположенных помещений и в потемках, не разобравшись, в чем дело, открывает огонь по противоположной стороне. На этом повествование обрывается, и о последствиях читатель может только догадываться.